

СЕРГЕЙ МЕЛЬНИКОВ

АФРИКАНЕРЫ В КОСМОСЕ

гибель ковчега «Гроот Зимбабве»

Сергей Мельников

**Африканеры в космосе. Гибель
ковчега «Гроот Зимбабве»**

«Автор»

2022

Мельников С. В.

Африканеры в космосе. Гибель ковчега «Гроот Зимбабве» /
С. В. Мельников — «Автор», 2022

Земля погибла. Как гриб-дождевик, перед своей смертью она выпустила споры, и понесли ковчеги остатки человечества в неизвестность. Маленькому ставропольскому анклаву буров не повезло: их корабли вышли на орбиту негостеприимного холодного мира. Им не повезло вдвойне: один из двух ковчегов, названный в честь Великой птицы Зимбабве, принес вместо колонистов пятнадцать тысяч мертвецов. С тех трагических событий прошло полтора десятка лет. Школьник Петрус Грут получает задание подготовить доклад о миссии "Морестера", спасшей колонистов от голодной смерти. Обычный ежегодный доклад к Дню Спасения. Школьник оказался слишком наблюдательным, дело оказалось очень личным, потому что касалось отца лучшего друга Петруса, преданного анафеме. Грут берется за расследование, и трещит по швам вся налаженная жизнь маленькой колонии африканеров, тихо скатывающихся в Средневековье. Что может сделать пятнадцатилетний подросток, чтобы восстановить справедливость?

© Мельников С. В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Грут потерял веру	5
Грустный урок истории	7
«Где мой муж, капитан?»	10
Поход к Собачьей луже	14
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сергей Мельников

Африканеры в космосе. Гибель ковчега «Гроот Зимбабве»

Грут потерял веру

Огромное зелёно-бело-зелёное полотнище¹ хлопает над моей головой – это наш флаг. Он огромный. Таких два на всю нашу маленькую колонию: один здесь, на школьном плацу, второй перед хемейнстераадом². Висит на пятиметровом флагштоке по правую руку от гранитного капитана Петруса ван Ситтарта, Спасителя. Меня тоже зовут Петрусом, как и половину моих одноклассников. И в этом ничего удивительного, ведь мы все родились в том году, когда капитан ван Ситтарт на корабле "Морестер"³ спас всю нашу колонию от вымирания.

Фадер⁴ Корнелис любит говорить: "Во mnogой мудрости много печали", когда мы задаем слишком много вопросов. А потом строго добавляет: "Но это не относится к школьным урокам, лоботрясы!".

Сейчас я хотел бы знать поменьше. Сколько себя помню, на церемонии поднятия флага меня всегда заполняло чувство гордости за родной мир и мой отважный народ, а теперь стою, и в душе пусто-пусто, как в межзвёздном пространстве. Вот на кой чёрт мне эти разочарования?

Я обожу взглядом плац, ровные шеренги школьников, выстроенных по росту. Все в одинаковых зелёных мундирах с белыми шейными платками. Застывшие одухотворённые лица, обращённые в серое небо, и никто не шарит глазами по сторонам, как я.

Конец церемонии. Бургомистр, вытирая слезу, кивает директору школы, тот даёт отмашку школьному оркестру. Бессмертная музыка Бетховена⁵ плывёт на заросшими мхом чёрными холмами и таким же чёрным морем в неизвестном количестве световых лет от его могилы. Теперь просто музыка, без сакрального смысла и наполнения. Потому что я потерял веру. Что-то сломалось непоправимо в этой жизни или только во мне. И это из-за событий 15-летней давности⁶, в которых всё оказалось не так однозначно.

Тычок в плечо прервал мои грустные мысли.

– Грут, чего застыл? Оттаивай! Пошли мяч побуцаем.

Над моим плечом нависла ухмыляющаяся рожа моего закадычного друга, его тоже зовут Петрус. Ничего не поделаешь, в пантеоне наших великих героев всего один человек. Были б наши родители дикарями, наверное, съели б сердце Спасителя, чтобы напитаться отвагой. Нам про таких каннибалов со старой Земли Фадер Корнелис рассказывал. Но родезийцы, люди цивилизованные и богобоязненные, взяли у капитана ван Ситтарта только имя. А мы, Петрусы, чтобы не путаться, называем друг друга по фамилии. Я – Грут, он – Винк. Есть в нашей компании ещё один тёзка, но у него такая непроизносимая фамилия, что мы оставили от неё только конец: Чан. Чан подхватил лихорадку, он в изоляторе и к нему не пускают.

Я смотрю на друга с притворным сомнением. Побуцать можно, но у меня другие планы.

– Хмм... – Я сделал вид, что обдумываю его предложение. – Заманчиво, но не сейчас. Я, брат, в поход собираюсь. – и замолкаю, наблюдая за тем, как разгораются огни в глазах у Винка.

– Куда?

Я делаю паузу, растягиваю удовольствие:

– Ну ты же помнишь, какую тему мне поручила мефру⁷ Брауэр?

– Миссия "Морестера". И?..

– И я иду в поход к месту посадки.

Винк хватает меня за плечи:

– Один? Грут, ну ты же не собираешься бросить меня тут? А, дружище? Чан в больничке, ты свалишь, а как же я? Грут, я от тоски свихнусь. Возьми меня с собой!

Смотрю в его умоляющие глаза и расплываюсь в улыбке.

– Я подумаю. – Мои слова его не обманули, Винк хватает меня в охапку, размахивает в воздухе. Он высокий и сильный, как медведь. Самый высокий и самый сильный в нашем классе. Я тоже не дохляк, но до Винка мне далеко.

– Когда выходим? – спрашивает он, возбуждённо пританцовывая.

– Утром, в пять. Идём с тремя ночёвками, что брать сам знаешь. Смотри, не проспай!

– Глаз не сомкну – Винк встаёт по стойке смирно, салютует по-скаутски и его широкая спина через секунду исчезает за углом школы.

"Я, наверное, тоже" – думаю, взбегая по заросшей мхом сопке к своему дому.

Грустный урок истории

– История человечества дискретна. – мефру Брауэр делает паузу, внимательно оглядывает класс. Тридцать одна пара мальчишеских глаз смотрит на неё, не отрываясь. Ни одного взгляда в сторону, ни одного в никуда. Класс ловит каждое слово, и это на сто процентов её заслуга, мефру Брауэр довольна. – Значение слова "дискретна" все знают? – в классе ровный гул, как рокот волн, бьющихся в базальт скал. Её не волнует формальная дисциплина, в отличие от других учителей. Ей важна вовлечённость. Она улыбается. В такие моменты её жизнь обретает особый смысл. – Скажи нам, Ян.

Ян, нескладный, очкастый, один из немногих не-Петрусов, и, может, поэтому тоже вечно не в своей тарелке, и за бортом. Он вытаскивает своё длинное тело из-за парты и запинаясь и без конца елозя очками по длинному носу отвечает:

– Д-дискретный – значит, прерывистый. Некий процесс, со-остоящий из отдельных периодов, разделённых во времени, каждый из которых имеет к-какой-то определяющий параметр, неизменный или п-плавно изменяющийся.

Мефру Брауэр кивает:

– Молодец, Ян, лучше не скажешь. Садись. Давайте переведём биологию и происходящую из неё антропологию в наглядную геометрию. Отправная точка... – Розоватый мел скрипит по школьной доске, сделанной из матового черного куса корабельной обшивки – появление жизни. Первые простейшие становятся многоклеточными, организмы усложняются, организовываются, учатся взаимодействовать друг с другом. До тех пор, пока у одного из населяющих землю видов не появляется... – мел в руке учительницы ведёт восходящую линию примерно на треть доски и завершает ее жирной точкой. – абстрактное мышление, – по классу пробегает шепоток.

– Безусловно, пока Господь наш в безмерной мудрости своей не одарил возлюбленных созданий искрой разума.

Тонкие губы мефру Брауэр чуть заметно искривляются в улыбке, она не набожна.

– Эта точка – она стучит мелом по нарисованному кружку – знаменует собой конец развития биологического и начало развития интеллектуального. За сотни веков цивилизации человек физически почти не изменился. Менялся лишь уровень интеллекта и накопленный опыт. Опыт, который человечество передает из поколения в поколение и обогащает новыми знаниями. Именно это накопление и передача знаний между поколениями двигает прогресс. Обдумайте этот тезис, мы к нему ещё вернёмся.

Мефру Брауэр отошла к окну, окинула взглядом мокрый от дождя плац, висящий тряпкой флаг Новой Родезии. За чёрными холмами, заросшими папоротником и кривыми чахлыми деревцами – антрацитово-чёрный океан. Постоянный ветер, постоянный дождь от ливня до мороси. Все оттенки серого, тёмно-зелёного, сочно-кобальтового. Сейчас здесь лето, самый разгар. Оно длится около четырёх месяцев, а потом наступает зима и вечная ночь ещё на целый земной год. Унылая, бедная, заторможенная планета.

Когда с поверхности погибающей Земли один за другим стартовали ковчеги, спасая остатки человечества, ей было 15, и никто не обращался к ней "мефру". С тех пор прошло 16 лет, и никто не называет её «Адель». Только мефру Брауэр. Она стёрла ладонью испарину с чуть мутноватого стекла местного производства, улыбнулась чуть видимому отражению.

– Достижения человеческого разума росли по экспоненте. —мефру Брауэр вернулась к доске. От крайней точки она провела дугу, постепенно загибающуюся кверху. – Изобретение новых инструментов и способов обмена и сохранения информации ускоряло процесс всё сильнее и сильнее. По мере роста могущества человеческого снижалась вера в Господа. Человек сам посчитал себя равным Творцу. Теперь он Бог, и больше не нуждается в высшем

Судье. Мы подошли к следующей точке. – она нарисовала ещё один заштрихованный кружок в самой верхней точке дуги. – Великий Исход. Остатки человечества покидают свою полыхающую колыбель на огромных ковчегах. Сколько таких кораблей успело стартовать с Земли? Сколько из них долетело до пригодной для жизни планеты? У нас нет ответов на эти вопросы... Что, Грут?

Со своего места на третьей парте встал взъерошенный мальчишка, Петрус, сын командира скаутов Дидерика Грута. Смущённо пригладив пятерней вихры, он спросил:

– Мефру Брауэр, Вы сказали: "Великий Исход". Но мой отец говорил, что создатели ковчегов называли их "Великий Посев". Что они имели в виду?

Она кивнула:

– Да... Для создателей ковчегов мы – семена нового человечества. Они надеялись, что мы, люди, заселим множество миров и, со временем, подчиним себе галактику. – она задержала дыхание. – они ошибались.

Класс загудел, Грут, так и не севший на своё место, набрал в грудь воздуха, готовясь возразить. Взмахом руки она заставила всех умолкнуть.

– Смотрим все сюда. Вот: – Она с размахом ткнула мелом в последний кружок. На пол посыпались мелкие кусочки – высшая точка в развитии человечества. Вот: – Она яростно зачиркала, рисуя исходящие из кружка лучи – разделившееся человечество разлетается по вселенной. У каждого – Она размашисто окружностями обозначает планеты в конце лучей – своя цель. Допустим, вот мы. А это наш вектор развития— Она выбирает самый нижний луч и от планеты рисует дугу, но не вверх, а вниз. – Наша ближайшая перспектива – сползание в Средневековье.

Класс взорвался. Мефру Брауэр грустно смотрит на раскрасневшиеся лица своих учеников, вскочивших с мест. Тридцать мальчишек размахивают руками, кричат, разобрать что-то в этом гвалте невозможно, да и не нужно. Учительница просто ждёт, когда дети выплеснут своё возмущение и недоумение. Только один стоит неподвижно, уставившись в одну точку. Он поднимает кулак вверх и рявкает:

– Тихо!

Класс сразу замолкает. У парня зычный командирский голос, почти такой же, как у его отца. Адель улыбается, она не раз мечтала, что Дидерик Грут назовёт её по имени. Петрус так на него похож...

Наступает тишина. Грут спрашивает:

– Почему?

– Фактор первый! – Она возвращается к доске и тряпкой стирает середину у всех расходящихся лучей. – Весь полёт переселенцы провели в коме. Сколько она продолжалась не знает никто. Никаких средств объективного контроля времени на ковчеге не было.

– Фактор второй – Она вытирает все лучи, кроме нижнего. – У нас нет связи с остальными ковчегами, а, значит, для нас они в реальности не существуют, как и все знания, носителями которых они являются.

– Фактор третий! – Она тыкает пальцем в окружность, символизирующую их планету, Новую Родезию. – Мы не знаем, куда нас вынесло, в какой части галактики или вообще в какой галактике мы находимся. Нас мало. Всего 15 тысяч человек, и за прошедшие годы рождаемость не превысила смертность. Мы живём в суровых климатических условиях и тратим все силы на выживание.

Она вытирает руки, садится на краешек своего учительского стола. Давит усталый вздох в себе.

– Ребят. Мы, африканеры, трудолюбивы и упорны. Но среди нас нет ни великих учёных, ни выдающихся деятелей культуры. Мы земледельцы и скотоводы. Поэтому весь наш вклад в выживание человечества – это, собственно, само сохранение нашей маленькой колонии.

– Я не согласен! – трясёт вихрастой головой Грут.

– Это хорошо. – улыбается мефру Брауэр – Это именно то, что я хотела услышать. Урок окончен. Грут, задержись.

Класс опустел, они остались наедине.

– Петрус, – когда кругом нет других Петрусов можно обращаться по имени. – Ты решил идти в скауты⁸? – Грут кивнул – Тебе пригодятся дополнительные баллы для поступления в скаутское училище. Я помогу тебе их заработать. Ты готов?

– Конечно! – обрадовался он.

– На выпускной экзамен у тебя будет отдельное задание. Мне нужен доклад о миссии "Морестера". Тема избитая, но... Я хочу, чтобы ты осветил техническую часть этой экспедиции. Как именно готовили и проводили спуск ковчега на поверхность. Понимаешь связь сегодняшнего урока и твоего задания?

Грут неуверенно кивнул.

– Не понимаешь. Займёшься сбором информации – поймёшь. Начать я тебе рекомендую с нашей библиотеки. Там хранится видеозапись, снятая во время торжественной встречи экипажа "Морестера". Пусть это будет твоей отправной точкой. Я твой официальный куратор. Будет нужна помощь – обращайся. А сейчас иди.

Когда озадаченный парень исчез за дверью кабинета, Адель закусила губу. Столько лет она молчала, и готова молчать дальше, но справедливость как вода, она всегда найдёт лазейку. Адель просто ей немножечко поможет. А младший Грут... Ничего с ним не случится. Никто в здравом уме не станет ссориться с его отцом. По крайней мере она на это надеется.

«Где мой муж, капитан?»

Когда-то давно, в первый год существования колонии, Альбрехт Хольт совершил должностное преступление. Поздней ночью, после работы, он взял листок белой бумаги формата А4, вставил его в принтер и распечатал портрет шведского естествоиспытателя Карла Линнеуса⁸. Гравюру с полным мужчиной с мясистым носом и улыбающимися глазами он повесил над своим рабочим столом в свежестроенном здании библиотеки. У каждого свои кумиры.

Всю ночь до утра, не смыкая глаз, он составлял каталог книг, добровольно пожертвованных библиотеке колонистами, а Карл Линнеус ободряюще поглядывал на плоды его трудов. Утром наверху скрипнула дверь. Это Матильда, его жена, впустила в читальный зал бургомистра, директора школы, фадера Корнелиса и других официальных лиц. Альбрехт виновато улыбнулся портрету на стене и пошёл сдаваться, ожидая заслуженную трёпку.

Может, из-за усталого вида, может при виде безупречно расставленных по полкам книг, но никто из руководства колонии не упрёкнул мениера⁹ Хольта в нецелевом расходовании невозполняемого запаса бумаги для принтера.

Прошло 15 лет, вся бумага была давно уже использована, принтер пылился в музейном уголке. Простейшие вещи вроде белой бумаги или порошка для заправки картриджа произвести в условиях маленькой затерянной колонии невозможно, а фиксировать происходящее как-то надо. Детей учить. Приказы писать, в конце концов.

Тогда братья Терон наладили кое-какое производство бумаги из волокон карликовых берёз и стеблей папоротника, но она была похожа скорее на древнеегипетский папирус. Почти весь запас её уходил в школу и Хемейнстераад. И одну тоненькую пачку всегда привозили специально для мениера Хольта. На половине листов микроскопическим почерком и, естественно, с обеих сторон, он вёл хронику колонии. Оставшиеся листы использовал для создания полной классификации флоры и фауны приютившей африканеров планеты. И Карл Линней с выцветшего портрета одобрительно кивал головой.

Когда запас шариковых ручек закончился, углежогги Круиссены после долгих экспериментов открыли производство чернил, замешивая их на березовой смоле и саже. Перья принесли бьющие птицу охотники, и научиться ими писать было особенно сложно. Но пришлось, а что делать? А исписанные пластмассовые цилиндрики с тонкими концами заняли свои места в том же музее утраченных технологий рядом с принтером и аккумуляторной батареей.

Альбрехт как раз заканчивал заполнять своим микроскопическим почерком последний лист, когда наверху звякнул колокольчик. Он вытер кончик пера тканью и не спеша поднялся наверх. У стойки библиотекаря стоял невысокий паренёк лет пятнадцати с торчащими каштановыми вихрами. Библиотекарь прищурился, зрение за прошедшие годы кропотливого труда над рукописями сильно ухудшилось

– А-а, Грут-младший. Петрус, кажется? – улыбнулся Альбрехт.

– Добрый день, мениер Хольт, Петрус Грут, вы не ошиблись.

– Чем могу помочь, Петрус Грут?

Парень почесал затылок.

– Мефру Брауэр поручила мне написать доклад по миссии “Морестера” к Дню Спасения.

Альбрехт закивал головой:

– Можете ничего больше не говорить, юноша, сейчас принесу вам всё, что есть по этой славной миссии.

Он вызвал в памяти тот куций список заметок и фотографий, которые каждый год берут у него школьники для традиционного доклада. Скрылся в хранилище и через несколько минут вернулся со стопкой листов и конвертов.

– Вот, тут вся информация: причины произошедшей катастрофы, фотографии и интервью участников миссии, и даже полный список того, что удалось доставить в Новую Родезию.

Петрус окинул взглядом бумаги и сказал:

– А мэфру Брауэр сказала, что у вас ещё есть видео с приземления “Морестера” и торжественной встречи капитана Ван Ситтарта...

– Есть, – кивнул Альбрехт, – на этой записи только торжественная встреча экипажа. Корабль приземлился аварийно и точного места посадки заранее никто не знал. И приземлился не «Морестер»

Петрус недоумённо посмотрел на старика, не выжил ли тот из ума. То, что корабль назывался «Морестер» так же верно, как то, что его зовут Петрус Грут, и никак иначе. Но Альбрехт махнул рукой:

– Пойдёмте, юноша, пойдёмте. Покажу вам всё на нашем телевизоре. Пользуйтесь случаем, пока он не сломался. Мы такое устройство в ближайшие века произвести не сможем.

В задней комнате стоял мягкий диван, обитый оленьей кожей. Напротив него на стене висела большая чёрная панель. Альбрехт достал из шкафчика маленькое устройство, похожее на охотничий свисток и воткнул его где-то сбоку. Засунул руку под панель, экран засветился. Он защёлкал какими-то кнопками, появилась площадь перед Хемейстераадам, битком забитая людьми.

– Эх, – вздохнул старик, опускаясь на диван, – а когда-то можно было им управлять, не вставая с дивана. Жаль, что не бывает вечных батареек. Хорошо ветрогенератор ещё работает. Вы садитесь, юноша, видео долгое.

Петрус опустился рядом. Телевизор не был для него чудом, он видел его много лет назад. Когда-то, мелким первоклашкой он уже был в этой комнате, и мениер Хольт показывал его классу, как выглядела их старая Родина, Стад ван ди Круис¹⁰. Так, со слов библиотекаря, происходило с какого-то древнего языка странное слово “Ставрополие”.

Всё, что помнил из того фильма Петрус, это бескрайние поля, разделённые невероятно высокими стройными деревьями, удивительные растения с жёлтыми лепестками, обрамляющими большие чёрные круги. Но главное, что потрясло его, это солнце. Огромное, яркое, заливающее всё вокруг тёплым, золотистым светом. Совсем не похожее на тусклое пятнышко в вечно сумеречном небе. Мениер Хольт сказал тогда, что больше ничего этого нет. И от этой мысли маленькому Петрусу очень хотелось заплакать. Но он сдержался.

Сейчас на экране была вполне привычная картинка. Хемейстераад такой же как сейчас, перед ним зелёно-бело-зелёное знамя на флагштоке, только, конечно, ещё нет базальтовой статуи капитана ван Ситтарта. Правее казарма скаутов, одноэтажная. Второй этаж достроили за год до того, как его отец стал новым командиром. По левую сторону суд и краешек библиотеки, в которой они сейчас сидят.

Перед флагштоком невысокий помост, украшенный зелёными гирляндами с редкими орхидеями¹¹. На нём – первый бургомистр, его портрет висит в фойе школы, смутно знакомые лица, в которых Петрус с трудом опознает безбородых ещё, но таких же огромных братьев Терон, ещё не старого Хольта.

Со стороны церкви бежит фадер Корнелис. Он за прошедшие годы почти не изменился. На нём строгий чёрный костюм с белым воротничком и Святое Писание под мышкой. Он запрыгивает на помост, и долго не может отдышаться, потирая рукой левую грудь.

Бургомистр поднимает кулак. Шум затихает. Резко, будто заводя мотор всеобщего ликования, он бросает руку вниз. Барабанщики бьют палочками по туго натянутой на бочонки шкуре бизона. Толпа раздаётся, и справа на площадь выезжают скауты верхом на оленях.

Впереди – командир Гендрик де Той. Крепкий, молодой, темноволосый. Левая часть лица исполосована параллельными шрамами, ухо почти отсутствует. Де Той – везунчик. Невезучие превратились в навоз. Первые встречи с местными хищниками почти всегда заканчивались

печально для землян. А Гендрик выжил после схватки с медведем-ревуном¹², самым страшным врагом человека на Новой Родезии.

За одетыми в тёмно-зелёные мундиры скаутами трое крупных оленей¹³ тащат открытый возок. Тройкой правит капитан ван Ситтарт. Высокий, красивый, с длинным, чуть лошадиным аристократическим лицом. Он машет людям рукой и лучезарно улыбается.

За ним бизоны¹⁴ тащат волокуши, заваленные ящиками. Толпа неистовствует, успех экспедиции обрёл материальное воплощение и теперь буры видят, что колония на самом деле спасена.

Де Той и ван Ситтарт запрыгивают на помост. Скауты выстраиваются по обе стороны от флагштока. Бизон первой повозки каравана меланхолично жуют свою вечную жвачку. Бургомистр энергично машет руками пока не наступает тишина. Звучат речи. Оператор протискивается сквозь толпу ближе к героям, берёт крупные планы. Ван Ситтарт радостно машет в камеру, показывает большой палец. Де Той, напротив, хмурится, сдвигается на второй план, за спину бургомистра.

Камера захватывает стоящую перед помостом толпу. Сквозь ряды ликующих людей проталкивается светловолосая женщина. На её груди в слинге – маленький ребёнок. Опять помост, бургомистр потрясает над головой сжатыми руками. Камера снова уходит вправо. Женщина пробирается к помосту, к ван Ситтарту. Все ликуют, а она расстроена. Прижимая головку малыша к шее, она машет рукой, пытается привлечь внимание капитана. Он замечает её. Довольная улыбка исчезает с губ, как и не было. Он оглядывается по сторонам, будто ищет кого-то. Отворачивается. Но женщина не унимается.

Улыбающийся бургомистр трогает капитана за локоть, показывает на неё. Ван Ситтарт нехотя подходит к краю помоста, садится на корточки. Она что-то говорит. Но за криками и шумом толпы ничего не слышно. Оператор снимает капитана, но и её лицо хорошо видно. Она повторяет одну и ту же фразу, это заметно по движению губ.

– Кто эта женщина? – Спросил Петрус

Хольт взгляделся в экран, подумал несколько секунд.

– Она сейчас сильно изменилась, но это мефру Мкртчян¹⁵.

Петрус удивлённо вытаращил глаза:

– Мефру Чан? Простите, Мкртчян?

Красивая молодая женщина была ни капли не похожа на высохшую, полупрозрачную мать его друга Чана.

– Понять бы, что она говорит... – Грут сосредоточенно вглядывается в её профиль, шевелит губами, пытаясь повторить её слова.

Альбрехт снисходительно улыбается:

– Это как раз не проблема. Я глохну, молодой Грут, это грустно, но так бывает с возрастом. Чем хуже я слышу, тем лучше читаю по губам. Она повторяет одну и ту же фразу: “Где мой муж, капитан?”.

– А где её муж?

Старик скривился. Кряхтя, поднялся с дивана, поставил на паузу.

– Её муж, Давид Мкртчян, механик “Морестера”, чуть не погубил миссию и всю нашу колонию.

– Я ни разу об этом не слышал.

Альбрехт пожал плечами:

– Мы, африканеры, не помним плохого. Подлого, низкого человека лучше забыть, чем сохранять о нем память. Забвение – лучшее наказание. Так решил бургомистр, и городской совет с ним согласился.

Грут подскочил с дивана, рубанул рукой воздух:

– Я не верю... Это невозможно. Чан не может быть сыном преступника. Что он такого совершил, этот Давид?

Альбрехт покивал головой задумчиво, рукой показал Груту: присядь. Вышел, вернулся через пару минут. В руках лист пожелтевшей бумаги, идеально правильной и тонкой, а значит очень старой.

– Я, Петрус, в некотором роде летописец, и всё, что происходит в нашей колонии, записываю на бумагу. Я не был согласен с городским советом. Этот листок я должен был уничтожить. Но не смог. – Старик пожал плечами: – Наверное, я преувеличиваю ценность своей работы. Не поднялась рука.

Он протянул листок Груту:

– Возьми, прочитай, но не думаю, что тебе это понравится.

Грут взял в руки листок, взгляделся в мелкий, бисерный почерк Хольта. В самом верху было жирно выведено:

"Происшествие на "Гроот Зимбабве"¹⁶ во время миссии "Морестера"

Поход к Собачьей луже

– Чан! Чан!

Грут не кричит, шипит, осторожно, чтобы мефру Магда не услышала. Окно изолятора на первом этаже, но оно высоко, Груту не дотянуться. Чан не слышит. Грут шарит глазами по заросшему мхом склону, находит сухую ветку. Осторожно скребёт ей по оконному стеклу. Наконец, занавеска отдёргивается. Он видит лицо друга:

– Ого, Чан, какой ты бледный. Как ты, брат?

Чан кивает:

– Нормально, тошнит всё время, а так ничего. Что нового?

Грут мнётся. Он никогда и ни перед кем не испытывал неловкости. Как есть, так и говорил. Но сейчас он смотрит в измученное болезнью лицо друга и не знает, что сказать.

– Давай уже, выкладывай, что там у вас. В обморок не грохнусь, не бойся. – Голос Чана через стекло звучит глухо, будто ведро на голову надел.

– Я иду в поход к Собачьей Луже.

Чан недоверчиво вскинул бровь. Совсем как его мать, когда Грут не слишком правдоподобно отмазывал друга.

– Зачем?

– Хочу разобраться в том, что случилось на втором ковчеге. Хотя бы попытаюсь. Винк идёт со мной. Чан, так жаль, что ты не сможешь.

– Не смогу... – Эхом отзывается Чан. – В чём там разбираться? 15 лет уже прошло. 15 раз про эту миссию доклады делали. Что нового ты хочешь узнать? И кому это нужно? Это просто ежегодный бесполезный ритуал, как... как биться кружками с пивом. Никакого смысла.

Чан упёрся лбом в окно, его чёрные глаза умоляюще смотрят сквозь мутное стекло на друга.

– Грут, пожалуйста, лучше не ройся в этом дерьме.

– Ты в курсе?

– Конечно, да. Мать рассказывала. Можно уничтожить документы, но память не сотрёшь.

Грут упрямо трясёт головой:

– Чан, ты в это веришь?

– Не знаю. – Чан грустно усмехается – Мать тоже не верит, как и ты. А толку? Хемейн-стераад спас мне жизнь, когда уничтожил память об отце. К тому времени, когда я начал хоть что-то соображать, про него все забыли. Я, полукровка, сын преступника. Как бы я жил среди вас, представляешь?

– Среди нас. – поправляет Грут

– Среди нас – согласно кивает Чан – Все эти доклады, чествования капитана, мажоретки¹⁷ с барабанами. Все это для того, чтобы не вспоминать о нем.

Вдруг внутри хлопает дверь. Чан таращит глаза и ныряет под подоконник. В окне возникает щекостое лицо мефру Магды в респираторе. На её круглой физиономии он кажется игрушечным.

– Грут, мерзавец! – Гудит мефру Магда сквозь фильтры. Мягкий розовый кулачок угрожающе трясётся за стеклом. – Петрус болен, ему лежать надо! Убирайся, и чтобы я тебя тут больше не видела!

– Простите, мефру Браат, больше не увидите.

– Отцу твоему скажу, он тебя выпорет! – кричит она ему в спину.

“Чан, брат, я всё выясню, клянусь” – говорит Грут, уходя. Конечно, друг его не слышит. Он лежит, вцепившись зубами в подушку, и занят одним: чтобы мефру Магда не заметила, как дёргаются его плечи.

...

А рано утром двое пацанов с огромными рюкзаками вышли из города. По дороге, вьющейся между сопками, они двинулись, позёвывая, к огромному озеру с несоответствующим названием “Собачья Лужа”. На его берегу уже 15 лет лежит полузатопленный ковчег “Великая птица Зимбабве”. Ковчег, который спас колонию. Ковчег, который чуть не уничтожил свихнувшийся механик Давид Мкртчян.

Бизон, впряжённый в волокуши, в гору не полезет, а Собачью Лужу от городка африканеров отделял горный хребет, сопки, болота, низины, заваленные камнями или залитые прозрачной водой с торчащими из неё стволами деревьев. Протащить там груз с “Гроот Зимбабве” не стоило стараться. Поэтому колонисты сразу повели караван к морю, и дальше двигались по краю длинного мыса вдоль берега. Потом снова свернули в противоположном направлении и вышли к городу.

Но зачем закладывать такой крюк, когда ты шагаешь на своих двоих? Только дорога свернула к морю, Грут с Винком сбежали по насыпи вниз. Перепрыгивая с камня на камень, пересекли маленькое озерцо и влезли на вершину первой сопки. Впереди, до горизонта уходили каменные холмы, покрытые разноцветными пятнами: белесый олений мох, тёмно-зелёный папоротник, рыжие и красные кляксы стелющейся по камням съедобной ледяной ягоды, из которой африканеры наловчились делать неплохое вино.

Где-то, кажется, у горизонта – сопка Голиаф. Через шею, под нависшей скалой бороды поверженного великана идёт перевал прямо к месту посадки ковчега. Вроде далеко, а на самом деле одна ночёвка.

– На вершине Зелёной привал. Был на Собачьей Луже? – Спросил Грут Винка

– Не, – отмахнулся тот, – что там делать? Ковчег я и на картинках видел, обычная коробка.

– Коробка? – расхохотался Грут – А ты представляешь себе размеры этой коробки? В ней прилетело 15 тысяч человек, это весь наш народ вместе взятый.

– 15 тысяч трупов в ней прилетело. – Ответил Винк. – Нам здорово повезло, что мы попали на “Морестер”. А ты был?

– Нет. – Грут сел на камень, пока перешнуровывал ботинки, сказал грустно:

– Знаешь, Винк, у меня правда всё в голове перемешалось. “Морестер” – не “Морестер”. Про “Гроот Зимбабве” до вчерашнего дня слыхом не слыхивал. Отец Чана ещё... Почему так? Что ковчега было два, каждый знает. Один пробило ракетой при взлёте. На орбиту Новой Родезии он вышел забитым трупами, но нам никогда не говорили, как он назывался. Почему?

Винк пожал плечами:

– У нас так принято: плохое забыли, значит его и не было. Представь: половина нашего народа погибла. Для наших родителей – друзья, родственники, соседи. С ума сойти можно. Я бы не хотел об этом всё время думать. Тебе Чан что сказал?

Грут не смотрел на друга. Его мысли были там, за Голиафом, на краю Собачьей Лужи. Червячки копошились под солнечным сплетением, высасывали воздух из его лёгких, вытягивали силу из мышц. Он знал, почему. Он готовился перевернуть большой замшелый камень, под которым может быть сокровище... А может, гремучка. Один миг и над твоим неузнаваемо опухшим телом Фадер Корнелис выводит скрипучим голосом:

“Возьми же мои руки и Сам веди меня...”¹⁸

Грут сжатым кулаком потёр грудь, разгоняя сомнения.

Винк не дождался, ответил сам:

– Не ковыряться в этом дерьме. У меня, брат, плохое предчувствие. Очень плохое. Посмотрел на друга, который отсутствующим взглядом уставился в горизонт. – Ну что, идём? Э, кореш! – Винк защёлкал пальцами перед его носом – В глаза мне посмотри.

Грут сфокусировал взгляд на ухмыляющейся физиономии друга. Винк нависал над ним большой зелёной скалой, прочной и крепкой. Сразу стало спокойно. Грут встал с камня, попрыгал на месте, утрясая ношу:

– Идём! – и улыбнулся самой беззаботной улыбкой, на какую был способен.

На вершине Зелёной, высокой сопки перед самым Голиафом они разбили лагерь. Винк спросил, закидывая ветки в костёр:

– Что тебя зацепило в этой бумажке Хольта?

Он набрал полную грудь воздуха и дунул в костёр, разжигая пламя. Голубые огоньки от горящей сырой нефти быстро охватили дерево, огонь разгорелся стал жёлтым, охристым, жарким. Оттопыренные уши Винка смешно засветились как два оранжевых светлячка. Но его голос был серьёзен, и Грут ответил:

– Скафандр. – сказал он. – Не хватает чёртова скафандра. Я хочу знать, где он.

Винк достал из рюкзака две жестяных банки, накидал крупы и полос провяленного мяса. Костёр разгорелся и вода, которую он влил в кашу, закипела сразу. Руки Винка двигались сами по себе. Он ждал продолжения.

– Тут много непонятого. В каждом ковчеге было по скафандру. Один, с надписью «Морестер» стоит в Хемейнстерааде. А где тогда второй, с «Гроот Зимбабве»?

Винк хмыкнул с сомнением:

– Ну, допустим, он остался на ковчеге.

– Отлично, – кивнул Грут, – значит завтра я его найду. А если нет?

– Может, его и не было?

– Брауэр сказала, что их было два.

– Мало ли что сказала Брауэр? – Винк обмотал руку тряпкой, вытащил из костра одну из банок. – Ешь! – сказал он Груту и воткнул ложку. Из банки одуряюще пахло кашей с мясом, самым вкусным в мире блюдом, которое можно приготовить только на костре.

Грут сунул ложку в рот. Задышал часто, пока еда чуть не остынет. Проглотил и по щекам потекли слёзы боли и удовольствия.

– Фуух! – он помахал ложкой в воздухе. – Я читал списки оборудования на борту ковчегов. Скафандры были на обоих. В списке того, что привезли с «Гроот Зимбабве» скафандра уже не было. Тебе не странно?

Винк, сосредоточенно поглощал кашу, но отвлёкся ответить:

– Может капитан ван Ситтарт себе его на память взял.

– Может, – согласился Грут, – но зачем он ему?

Винк, чавкая, пожал плечами. Грут кивнул:

– Чего гадать? Завтра я осмотрю ковчег и всё выясню.

Винк поперхнулся:

– Чего?? До меня только сейчас дошло. Он наполовину затоплен. Как ты собираешься его осматривать?

Грут улыбнулся.

– Ты с катушек съехал? Вода градусов 5-7 максимум.

Грут улыбнулся ещё шире.

– Даже не думай! Я не хочу твой труп тащить в город.

Грут хлопнул Винка по плечу:

– Расслабься, обойдёмся без трупов. Я обвяжусь тросом. А на берегу мы соберём сауну, я взял у отца. Поплавал – согрелся. Всё будет путём, не бойся.

Винк сбросил его руку:

– Ты больной на всю голову. Ради чего? Ради доклада?

– Ради Чана.

– Ты уверен, что ему это нужно?

Где-то далеко, за Голиафом, протрубил медведь-ревун, мается перед спячкой. Грут поворошил прогоревшие ветки. От костра вверх взлетели яркие оранжевые искры. Совсем как ковчеги с Земли 16 лет назад, огромные неуклюжие коробки с висящими в мутной жидкости людьми, тысячами людей, больше похожих на местную селёдку в бочках. У каждого к левой руке примотана капельница. У каждого лодыжки охвачены эластичной лентой, привязанной к решетчатому полу. Разве так должно выглядеть человечество, шагнувшее к звёздам?

– Винк, – ответил он, – если то, что я узнаю, навредит Чану, ни я, ни ты никому слова не скажем. Согласен?

Винк кивнул

– Но по всему выходит, что с мениером Чаном поступили несправедливо. И я хочу узнать правду. Хочу настолько сильно, что меня совсем не пугает купание в Собачьей Луже.

– Надеюсь, мне не придётся за тобой нырять... – поёжился Винк.

– Какой африканер боится холода! – расхохотался Грут.

Перевал через шею Голиафа... Одно название, что перевал. Склон усыпан чёрными глыбами, большими, в рост человека, и поменьше. На вершине относительно ровная проплетина, густо заросшая белесым мхом. Слева она уходит в поросшую кустарником бочкообразную грудь, прямо – в густую тень, отброшенную торчащей вверх бородой каменного исполина. И одному Богу известно, когда эта борода развалится на части и завалит глыбами перевал. Грут ускорил шаг, чтобы поскорее выйти из-под нависшего над их головами каменного языка. Винк припустил за ним. Перед самым спуском вниз, к Собачьей Луже, мальчишки замерли.

– Какая громадина... – Винк стоял с шалыми глазами и не мог поверить тому, что видел. – Чтoб меня...

Грут с деланным безразличием молча пожал плечами. От восторга у него перехватило горло, и спроси его о чём-нибудь Винк, он не выдавил бы ни слова.

Внизу, под их ногами лежала зеркальная гладь самого большого в округе озера. И сравнение с зеркалом не в пользу последнего. Африканерские зеркала были мутноваты, в толще стекла часто попадались россыпи пузырьков воздуха. А тут вода была настолько чистой и прозрачной, что отражение деревьев казалось чётче их самих.

Со склонов окрестных сопok, между мшистых камней, струились ручейки. Стекаясь вниз, они капиллярами огибали большие и маленькие скалы и собирались в озеро.

На берегу лежал огромный чёрный параллелепипед, похожий на сплюснутый морской контейнер-переросток. Часть его корпуса уходила под воду, передний край с огромными распахнутыми поперёк воротами, лежал на берегу. Внутри блестела вода. На крыше, полузатопленная, лежала огромная чёрная птица с короткими крыльями.

– “Гроот Зимбабве ” – прочитал Винк надпись на её борту.

Грут ткнул пальцем в сторону ковчега:

– Там, где нижняя воротина лежит на земле, соберём сауну. Оттуда я буду нырять. – Винк поёжился, но Грут о холоде, казалось, и не думал. – А правее и выше, вон там, где растут рядом три берёзы, разобьём лагерь.

Он сполз на камень ниже, махнул другу рукой:

– Пошли, Винк, вблизи ещё круче.

Его взъерошенная каштановая шевелюра скрылась за скалой

Винк крикнул без надежды в голосе:

– Грут, подумай хорошо, он такой огромный... Ты ничего не найдешь, просто зря рискуешь жизнью, – но Грут не ответил. Вздохнув, Винк спустился за ним.

Они очутились внизу, и только скинули рюкзаки, рванули на перегонки к ковчегу, будто и не было утомительного перехода через заваленного камнями Голиафа.

Вблизи размеры “Великой Птицы Зимбабве” потрясали. Грут с Винком вскарабкались на лежащий пандус. Его рифлёный верхний край доходил им до подбородка. Крадучись, подошли к уходящей в воду нижней палубе.

– Представить себе не могу, что такую громадину построили люди, Обычные люди, как ты и я... – Прошептал Винк, озираясь.

– Чего ты шепчешь, балбес, тут никого нет, – таким же шёпотом ответил Винк. Вдруг приложил руки рупором и закричал:

– Эге-гей! Есть тут кто живой?

Его голос, множась эхом, заметался в темноте. Винк вжал голову в плечи:

– Чёрт! – он сразу устыдился своего испуга и спросил: – Это ж сколько тут метров в глубину?

– Около четырёхсот, – ответил Грут, – 80 в ширину и 20 в высоту. На нижней палубе были грузы, на верхней – колонисты. На каждого человека – примерно по 2 квадратных метра. Зажигай фонарь, посмотрим, что наверху.

Они запалили фитили “летучих мышей”¹⁹, вскарабкались по порыжевшей лестнице на верхнюю палубу. Вся она была сварена из извилистых стальных лент. В промежутках между ними посверкивала в лучах утреннего солнца вода, затопившая грузовой отсек. Под ногами валялись синие пластмассовые хомуты, прикреплённые тросами к палубе. Винку не надо было спрашивать, что это.

– Подумать только, в такой же штуке наши родители прилетели на Новую Родезию. – потрясённо сказал он. В свете фонаря Винк заметил светлое пятно впереди, кинулся к нему.

– Смотри! – сунул он свою находку Груту.

Грут покрутил в руках прозрачный толстый пакет, разделённый на две неравных части. Одну сторону покрывали остатки широкой синей ленты. Из пакета выходили две трубки, сливающиеся в одну, на конце – длинная стальная игла. Он кивнул:

– Это я знаю. В таких пакетах были лекарства. Каждому колонисту приматывали такую штуку к руке вот этой синей дрянью, а иглу втыкали в вену. Из-за этих лекарств наши предки весь полёт проспали, и проснулись уже тут, на орбите.

Он пришлёпнул к плечу пакет, высунул язык на бок. Скошенные глаза упёрлись в кончик носа. Для усиления эффекта он покачался, будто и впрямь висел сейчас в мутной жидкости вместе с другими колонистами.

– Ну ты и придурок, – хохотнул Винк. И добавил, сразу погрузнев: – Проснулись не все...

– Да, – кивнул серьёзно Грут, – эти не проснулись...

Винк вздохнул. Тела погибших то ли болтались до сих пор на орбите, то ли сгорели, сойдя с неё. В любом случае, ни у кого из них нет ни креста с именем на могиле, ни упокоения.

Грут аккуратно свернул капельницу и сунул в наколенный карман:

– Подарю толстой Магде, чтоб не сильно на меня злилась из-за Чана, ей пригодится. Будет колоть твой зад и думать: ну какой же хороший и заботливый мальчик, этот Грут. У неё такие иглы, небось, кончились давно.

– Ага, вот твой тощий зад она и истыкает, будешь Грут-жопа-как-дуршлаг. – парировал Винк.

Он шёл вдоль стены по наклонному полу, пальцы ощупывали стыки больших квадратных панелей. Он постучал по одной из них, прислушался, по другой.

– Пустота... – Пробормотал он. Повернулся к выходу, крикнул: – Слышь, жопа-как-дуршлаг, тут пустота. Давай панель отковыряем!

Грут подошёл, достал какую-то железку.

– Сам ты жопа, – сказал он снисходительно, – не надо ничего ковырять. – Он приподнял фонарь, показал две дырки по краям: – Это – замки. Прижми панель руками, чтоб не отвалилась.

Грут достал какую-то железку, провернул в одной дырке, в другой. Стена под руками Винка шевельнулась. Грут встал рядом с другом, вдвоём они наклонили панель и опустили на палубу. За ней было пустое пространство в полметра глубиной. Винк с фонарём в руке перегнулся, посмотрел в обе стороны. Пахло чем-то резким и неприятным, вроде горелой резины. Он сморщился, чихнул, махнул Груту:

– Давай ещё одну панель снимем. Вот эту!

Винк ткнул пальцем в соседнюю. Они быстро отщёлкнули замки, опустили ещё один квадрат на палубу. На этот раз в промежутке между панелями справа виднелась полоса черного металла. Грут сунул голову в дыру, внимательно осмотрел плиту. Его конопатый нос сморщился от резкого запаха. Он поскрёб край лезвием перочинного ножа и озадаченно хмыкнул. Повернулся к другу:

– У этой штуки толщина сантиметров сорок. И, кажется, я знаю, что это... Наружная обшивка ковчега сделана из такого же металла. Эти плиты нужны, чтобы заделывать дыры в корпусе.

– Это ж сколько человек нужно, чтобы её поднять... – озадачено протянул Винк.

– В скафандре – один. – Ответил Грут. – Человек в скафандре становится очень сильным. Там встроены такие механизмы, которые работают вместо человека.

– Круто, – размечтался Винк, – пошлёт матушка дрова рубить. А ты надел скафандр... Сам отдыхаешь, а он за тебя дрова рубит... Хоп-хоп...

– Руками-то всё равно тебе махать придётся, – рассмеялся Грут. – Слушай, давай стены простучим. Может ещё где есть пустые места. Я ту, ты эту.

Они прошлись по панелям и обнаружили ещё одну пустоту. В незатопленной части не хватало двух плит.

– Вот тебе ещё одна странность, Винк. В корпусе дыра одна была. А плит не хватает двух.

– А что тут странного? – Возразил он. – Может, тот, кто заделывал дыру от ракеты, одну плиту не удержал, пришлось идти за второй. А может тут ещё кучи не хватает. Вон, на нижней палубе, например.

– Может, – легко согласился Грут, – но шлюзовая камера одна, вон там, – он протянул руку вперёд, где маслянисто поблескивала вода. Из неё торчал цилиндр из тусклых труб с лестницей внутри.

– Между теми трубами – трап к шлюзу на птичку, – Грут ткнул пальцем в потолок, – она такая же, как “Морестер”, на котором ван Ситтарт и деТой полетели к этому ковчегу. Там, на крыше, ты её видел. А ещё дальше большая шлюзовая камера, через которую можно было выйти в открытый космос.

Винк восхищённо вздохнул:

– Как “Морестер”... Я сейчас, – и быстро вскарабкался по лестнице под потолок, крикнул оттуда:

– Тут люк! – Покряхтел минуту: – не открывается!

– Я знаю, – ответил Грут, – там ключ нужен, он только у капитана. Слезай, пошли сауну ставить.

Весь день до вечера, безо всяких экзоскелетов мальчишки рубили берёзы, пилили из них чурбачки одной длины и складывали в аккуратную поленницу. Экзоскелет скафандра... Они и слов таких не знали. Небольшую складную печку обложили со всех сторон каменной кладкой. Промежутки между большими камнями закладывали голышами из ручьёв. Сил не жалели. От того, насколько хорошо получится раскопчегарить самодельную сауну зависел успех всего похода, а может и жизнь одного из них... Винк все время думал об этом.

Чуть в сторону по берегу Собачьей Лужи он заметил рощицу ив. Это дерево практически не горело, оно не имело ствола: просто пучок упругих крепких веток торчал из земли. Длинные концы их изгибаясь, касались воды. Винк с Грутом напилели большую охапку гибких ивовых стеблей и соорудили вокруг печи каркас будущего шалаша. Осталось только обернуть всё это сооружение кошмой, фольгированной с одной стороны, и можно разжигать огонь. Но это уже завтра.

Смеркалось, вода наливалась чернильной синевой, все равно ничего не разглядишь. Перекусили по-быстрому и завалились спать.

– Жаль, не бывает таких фонариков, чтоб горели под водой... – Думал Грут, засыпая. – Интересно, а на старой Земле были? Наверное, были...

На старой Земле много чего было, только её самой больше нет...

Только крыша засветилась слабо оранжевым, Грут открыл глаза. Винка не было. Уходя, он аккуратно застегнул палатку на все пуговицы. Сохранил другу немного теплого воздуха, пропитанного запахами брезента, сонного дыхания и несвежих носков. Грут развернул спальник, сел. От зевка чуть не вывихнул челюсть.

Ему пришлось сделать над собой немалое усилие, чтобы высунуть голову наружу. Прохладный ветер сразу расшевелил волосы, запустил холодную руку за шиворот. Грут поёжился. Под водой в озере будет ещё холоднее.

Ему совсем не хотелось сигать в студёную воду, он же не из этих... Которым нравится делать себе больно... Вспомнил, флагелланты²⁰. Среди африканеров таких фанатиков не было, Фадер Корнелис рассказывал о них на истории религий.

Вот он, Грут, не флагеллант, чтобы с удовольствием морозить зад. Просто он не успокоится, пока не узнает, куда делся старший Чан и скафандр с «Гроот Зимбабве». И что-то ему подсказывало, что найдёт он их в одном месте.

Пока он спал, Винк натянул кошму на ивовый каркас, разжёл печь. Грут увидел, как откинулся полог, и его непривычно угрюмый друг вылез за новой порцией дров.

– Займись завтраком, – крикнул он Груту, укладывая поленья на сгиб руки.

Нагрёл целую гору и скрылся внутри.

Позже они сидели друг напротив друга. Костёр весело потрескивал между ними. В утреннюю кашу Грут сыпанул две пригоршни ледяных ягод, их было полно вокруг. Они ели молча, потом Винк доскрёб банку и ткнул ложкой в сторону друга:

– Я тебе помогу, но это не значит, что твоя идея мне нравится. – Сказал он серьёзно. – Всё делаем по моим правилам. Под водой ты не дольше трёх минут, я буду следить по часам. Дёргаю трос – сразу плыви обратно. Или я сам тебя вытащу, хочешь ты этого или нет. Вылез, и сразу в сауну. И нырять потом будешь только после того, как я разрешу. Согласен?

Грут возмутился:

– Что я успею за три минуты?

– Значит быстрее будешь ногами шевелить! – Отрезал Винк. – Или делаем всё, как я сказал, или я тебе помогать не буду. Скручу и отнесу в город к мефру Магде, как чокнутого психа.

Грут с удивлением смотрел, как изменилось лицо его друга. Вечно ухмыляющиеся губы сжались в тонкую прямую линию. Под нахмуренными соломенными бровями – тяжелый взгляд синих глаз. Винк никогда не был так серьёзен. Он отставил банку, поднялся.

– Сауна готова. Если хочешь, можем начинать. – и пробурчал под нос: – три минуты ему мало... Ты там выдержи эти три минуты.

...

Пока друг спал, Винк разделся и спустился в озеро. Он африканер, их предки жили, наверное, в самом жарком месте на земле. Как по его, лучше проявиться на солнце, чем превратиться в мороженную рыбу. Но ради друга Винк себя пересилил. Он опустил на корточки, так, чтобы вода доставала до шеи. От невыносимого холода перехватило горло, и он не сразу смог сделать вдох. Винк шевелил руками и считал в уме:

– 33... 34... 35... 110... 192... Где-то на 203 правую ногу свело судорогой. Закусив губу, Винк на карачках выбрался на берег. Босые ноги скользили по заросшим мхом камням, студёная вода струилась по телу. Налетел ветер и враз проморозил до костей. Он чуть не рухнул обратно в озеро, когда подвела сведённая судорогой нога. Махая руками, как ветряная мельница, Винк удержался, качнулся вперёд. Трясущийся от холода, он на коленях вполз под полог неразогретой сауны и прижался к тёплым камням. Тогда он решил: не больше трёх минут, и пусть Грут делает, что хочет, Винк сильнее.

Они спустились к ковчегу.

Грут показал рукой на уходящий под воду правый бок:

– Я проплыву вдоль борта и занырну, постараюсь найти пробоину в подводной части. Потом так же с левого борта. А на третий заход попытаюсь поднырнуть под дно спереди. Всё будет быстро, Винк, не переживай.

Грут быстро разделся, аккуратно сложил одежду на ботинки.

– Давай трос, – махнул он Винку. Под порывом холодного ветра Грут покрылся гусиной кожей. Он улыбался, но так, будто заглотил горсть незрелых ледяных ягод.

– Шас, – угрюмо ответил Винк, ткнув пальцем в шатёр с трубой, – сначала в сауну, нырять по моей команде.

– Слушаюсь, командир, – гаркнул Грут, рубанув ребром ладони по лбу и, с облегчением, занырнул под полог. Жар окутал его тело. Застонав от удовольствия, Грут растянулся на большой охапке ивовых прутьев, накрытой полотенцем. Испытание предстояло серьёзное, но решил – делай. Он не будет слабаком в глазах друга.

– Прости, брат, столяр из меня так себе, пойдёт такая лежанка? – Спросил Винк снаружи.

– Это самая крутая лежанка в мире! – Ответил Грут.

– Хорошо. Как будешь готов, скажи.

Через несколько минут Грут вылез из-под полога. Винк затянул трос на его поясе, проверил, не соскользнёт ли. Грут подошёл к краю большого камня, нависающего над водой. Повернулся к Винку, показал ему большой палец. Винк посмотрел на своего друга, такого маленького и худого на фоне невообразимой чёрной громадины ковчега и ему стало не по себе. Он крикнул:

– Да давай уже прыгай! Замёрзнешь ещё на берегу!

Грут посмотрел под ноги, оттолкнулся и ласточкой вошёл в воду. Винк кинулся к краю. Там, в глубине, по-лягушачьи, плывёт его друг. По голубого оттенка коже пробегают синие волны, и он вроде движется, но так медленно, что кажется, будто он не продвигается ни на сантиметр, а ковчег такой огромный...

Винк потерял его из виду, потом у самого края уходящей в озеро крыши, взбуч водяной волдырь, появилась голова Грута. Он помахал рукой Винку и нырнул, только пятки взбили поверхность.

Винк поглядывал на часы. В его голове шёл постоянный отсчёт, когда он дошёл до 180, дёрнул трос... Почувствовал ответ. Два раза, “всё в порядке, возвращаюсь”.

Через пару секунд вынырнул Грут, широкими махами погрёб к берегу. Протянул руку. Винк ухватил его за предплечье, помог вылезти. Кожа под пальцами была холодной и скользкой, как у утопленника, да и сам пловец был бледен.

– Н-нич-че-го, – выдавил он, выбивая дробь зубами. Винк затащил его в сауну.

Грут ещё раз занырнул с правого борта, проплыл на этот раз дальше, осмотрел его весь. Счастье, что озеро северное, в тёплом климате контейнер весь зарос бы водорослями, а в мутной воде трудно что-то увидеть. Здесь чистый чёрный борт просматривался от начала до конца, до самого дна, и солнечного света вполне хватало.

Левый борт он осмотрел за один нырок, и он тоже был цел.

Грут, как обычно, сидел в сауне между заплывами, и разговаривал с Винком через стенку.

– У меня осталось два варианта: дно и крыша. – Рассуждал он. – Крышу осмотреть проще.

Но лучше оставить её на потом. Как думаешь?

– Я банщик, я не думаю. – Буркнул Винк.

– Смотри... – Грут не обратил внимание на его слова. – По “Гроот Зимбабве” выпустили ракету. Ракета она ж бьёт вверх, значит дыра в днище? Хотя я читал, что были ракеты, которые могли ударить и сверху.

– Меньше б читал всякую хрень, спокойней жили бы. – Пробурчал снаружи Винк.

– Ныряю под дно, – решил Грут.

Винк тяжело вздохнул.

...

Он стоял на самом краю. Трос уходил в чёрную глубину под опущенным гигантским пандусом. Грут уже дважды выныривал там, в темноте. Винк слышал, как отплёвывается его друг, как с шумом набирает полную грудь воздуха, и снова вода со всхлипом поглощает его бедовую голову. 178... 179... 180. Винк дёрнул за верёвку, получил двойной ответ. Он вытянул друга на берег, и тот, стуча зубами, сказал:

– Н-наш-шё-ол.

Винк молча запихнул его в сауну, сам, как обычно сел снаружи.

Когда зубы перестали клацать друг об друга, Грут сказал:

– Винк, я нашёл скафандр...

Грут устал. Нечеловечески устал. На вопросы отвечал с задержкой. Небольшой, но Винк слишком хорошо знал своего друга, чтобы не заметить. Мутноватый взгляд плавал в пространстве. Белые яблоки глаз покрылись сеткой лопнувших капилляров. Винк сел на корточки перед Грутом, пощёлкал пальцами перед глазами, как это делала мефру Магда. Тот собрал глаза в пучок, слабо улыбнулся. Слишком слабо, слишком медленно.

– Так! – Винк хлопнул себя по ляжкам, добавляя веса словам. – Ты больше не ныряешь. Точка!

Грут, наконец, посмотрел ему в глаза:

– Я нашёл скафандр. Он там.

– Ну здорово! – Кивнул Винк. – Завтра ты занырнёшь последний раз, обвяжешь верёвкой, и мы его вытащим. Завтра! Сегодня больше никаких погружений, – отрезал он.

Грут помотал головой:

– Мы его не вытащим. Он очень странный, какой-то расплывшийся, и он намертво приклеен к корпусу.

– Так на кой чёрт вообще к нему нырять? – Возмутился Винк. – Ты его нашёл, молодец! Расскажешь об этом на докладе.

Грут вздохнул:

– Там что-то есть. У меня уже кончился воздух, поплыли круги перед глазами. Ты как раз тогда дёрнул за трос. Я подплывал к нему справа и ничего не видел. Но когда немного отдалился, обернулся. Там, слева, зажегся и погас красный огонёк. Через 15 лет. Можешь себе представить?

Винк сплюнул между ног:

– Могу! Отлично представляю, какие видения бывают от нехватки кислорода и холода. Ты бредишь.

– Нет, друг, это не бред... Мне надо нырнуть, последний раз, мне надо увидеть, что это. Лезть завтра в холодную воду у меня уже запала не хватит.

Винк угрюмо затряс белобрысой башкой:

– Через мой труп.

Грут лежал на боку на ивовой лежанке, головой к выходу. Винк на корточках сидел у него в ногах. Он только что подкинул поленья в печку, и ворошил кочергой угли. Грут подтянул колени, будто озяб от холода и резко впечатали их в грудь Винку. Тот повалился на спину, изумлённо моргая глазами. Такой подлости Винк не ожидал.

Грут на четвереньках выбрался наружу, отбежал на край того камня, с которого прыгал последний раз. Заглянул вниз. От глади озера повеяло могильным холодом. Он обернулся. Из палатки выбрался Винк, кинулся к нему. В глазах боль и обида.

– Стой! – Закричал Винк.

– Стой! – Эхом отозвался Грут. – Не подходи! Я нырну, с тобой или без! Ты поможешь мне?

Винк остановился, топнул ногой:

– Да чёрт бы тебя побрал, долбаный псих! Хорошо. Я помогу тебе. Только не прыгай.

Он кинул Груту конец. Тот подобрал его, посмотрел на Винка с сомнением:

– Поклянись, что дашь мне довести дело до конца! Нет, стой! Поклянись, что дашь мне сейчас нырнуть к скафандру и вытянешь меня только через три минуты. Клянись!

– Клянусь! – Завыл Винк. – Клянусь Господом нашим Иисусом Христом! А сейчас завязывай эту чёртову верёвку и ныряй, пока не совсем остыл.

Грут подмигнул ему и прыгнул в озеро.

...

Винк стоял на краю и отсчитывал время. Трос уходил куда-то под днище ковчега и уже несколько секунд не шевелился.

178... 179... 180... Считал он про себя. Винк выбрал слабинку и дёрнул за трос. Через пару секунд почувствовал слабый ответ. Два раза. Всё в порядке, возвращаюсь. Время шло. Винк продолжал считать

187... 188... 189... Он дёрнул ещё раз. Без ответа. Он потянул на себя. Трос шёл с трудом, будто цеплялся за что-то.

Винку стало страшно. Он отпустил трос до самого дна. Отбежал чуть дальше, распластался на холодном камне и потянул верёвку на себя. Теперь она шла почти параллельно дну. Нет, что-то всё равно мешает. Совершенно обезумев от ужаса, за погибающего друга, Винк издал рёв, от которого на вершине Голиафа медведь-ревун плюхнулся на плешивую задницу. Он собрал все свои оставшиеся силы и рванул.

Трос поддался. он тащил и тащил, пока под водой не появилось бледное пятно, он увидел голову, длинные шевелящиеся волосы красного цвета. Винк не сразу понял, что это кровь. Он вытянул Грута на мелководье, спрыгнул за ним. Подхватил его под мышки, встряхнул. Никаких признаков жизни. Выволок тело друга на берег, перевалил через колено. Вода выливалась из лёгких Грута свободно, он не дышал...

Резко потемнело. Винк поднял глаза в небо. Солнце, которое дарило хоть какое-то тепло бледной коже друга, закуталось плотными облаками.

Винк заорал ему в отчаянии:

– Ну ты ещё!

Он судорожно вспоминал всё, чему их учили скауты на уроках выживания. Первый раз в жизни пришлось применить на практике и на ком, на бездыханном теле самого близкого друга. Лучше б всё это осталось пустой теорией... Он наполнял его лёгкие своим воздухом, давил ладонями на сердце и... ничего не происходило.

– Ну и... что же... ваша... долбанная... наука? – В исступлении выкрикивал он, надавливая на грудную клетку Грута. Всё без толку. Не замечая бегущих из глаз слёз, он заорал:

– Грут, гад, не бросай меня! – Ярость, злость, любовь, всё, что он вложил в этот крик он вдул в его лёгкие. Грут закашлялся. Остатки воды вылились из краешка рта. Винк схватил его на руки. Он бегом занёс в Грута сауну и осторожно опустил на лежанку.

Помутневшим взглядом Грут посмотрел на друга и улыбнулся. Глаза его закрылись, рука упала на землю. Какой-то предмет выпал из неё и откатился в сторону. Винк нагнулся над Грутом, прощупал пульс на шее, всё было в порядке. Кожа порозовела, грудь мерно вздымалась в такт тихому сопению. Он просто спал.

Винк скинул намокшую одежду и сел рядом. Под его босыми ногами лежал правильной формы шар ярко-оранжевого цвета. Винк поднял его и покрутил в руках: ни надписей, ни опознавательных знаков. С одной стороны – кружок и тонкие прорези под ним. Винк надавил на него пальцем.

Поверхность чуть подалась внутрь. Раздался тихий размеренный писк, будто отмеряющий биение сердца. Несколько секунд не было никаких звуков, потом заговорил незнакомый мужской голос, спокойный и грустный:

“Я тут собираюсь умереть... Не знаю, через сколько минут, но скоро... И мне немного страшно... Если честно, я до чёртиков перепуган, и навалил бы полные штаны, но мой слишком умный скафандр даже это контролирует... [нервный смех] Извините... Я не особо понимаю, зачем говорю все это. Может, просто потому что есть время, а в тишине ещё страшнее... Ань, слушай, не обижайся на меня, правда, я делаю это ради вас, тебя и Пети. Ты называешь его Петрус, но мне это имя не нравится, ты знаешь. Сейчас просто нет другого выхода. Погибнете или вы, или я... А я же не супермен... Могу испугаться, передумать. Тогда не станет вас, и я тоже умру. Просто чуть позже. Видишь, любимая, я сделал лучший выбор. Как всегда... На всякий случай я отключил питание скафандра. Необратимо. Вы только не думайте, пожалуйста, что Давид Мкртчян трус...”

Винк отпустил кнопку, голос умолк. Винк не понял ничего. Человек говорил на русском, а его не знал никто из тех, кто родился уже на Новой Родезии. Единственные знакомые слова: “Петрус” и “Давид Мкртчян”. Кажется, безмятежно спящий сейчас Грут нашел то, что искал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.